

DOI 10.35775/PSI.2024.110.10.027

УДК 327

Г.В. ЗАКАЛЬСКИЙ

аспирант кафедры российской политики
факультета политологии, Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
E-mail: zakalskiy.egor@yandex.ru

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: И.А. БРОННИКОВ

кандидат политических наук, доцент,
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
E-mail: ivbronn@gmail.com

АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В статье описана концепция цифрового суверенитета, история развития данного понятия, а также основные тенденции в исследовании данного понятия в американском научном дискурсе. По мнению автора, понятие цифрового суверенитета является крайне многогранным, затрагивающим в той или иной степени большинство естественных, технических, общественных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, технологический суверенитет, кибербезопасность, государственный суверенитет.

В настоящее время термин «цифровой суверенитет» является актуальным и широко обсуждаемым среди специалистов в области информационных технологий. В общих понятиях этот термин описывает возможность государств обеспечивать свою независимость и контроль над использованием информационных технологий, особенно в сферах критически важной инфраструктуры, экономики, национальной безопасности и важности социальных услуг.

Цифровой суверенитет играет все большую роль в современном мире, особенно в свете ускоряющейся цифровизации, а также увеличения количества данных, которые передаются и хранятся в Интернете. Помимо этого, растет количество угроз информационной безопасности, таких как кибератаки и утечки данных, что обуславливает необходимость принятия строгих мер для защиты государственных интересов.

Проблема цифрового суверенитета США является важным вопросом, который привлекает внимание экспертов в области информационной безопасности и цифровых технологий. В настоящее время, США являются одной из ведущих стран в цифровой сфере, но их зависимость от зарубежных технологий и компаний ставит под угрозу их суверенитет и национальные интересы.

Стоит сказать, что термин «цифровой суверенитет» является крайне сложным и комплексным понятием, затрагивающим одновременно несколько областей. При попытке дать ему определение исследователи могут обратиться как к работам, посвященным участию государственных или частных структур в предоставлении цифровых и электронных услуг гражданам, цифровым правам человека и системам электронной демократии, так и исследованиям, раскрывающим теоретические подходы к изучению процессов цифровизации и медиатизации социальной, политической и экономической сфер.

Перед тем как перейти к анализу концепций цифрового суверенитета стоит дать краткий обзор процессу исторического развития понятия классического суверенитета. Это связано с тем, что термин «цифровой суверенитет» имеет глубокую концептуальную связь с классическими теориями и включает в себя множество уже существующих и закрепившихся в научном дискурсе понятий.

Понятие «суверенитет» нашло свое отражение в работах Макиавелли, Гоббса, Бодена и Шмитта и обозначало высшую власть над политическим образованием, таким как государство. Суверен должен обладать властью, которая исходит от признаваемого всеми источника легитимности, который мог быть как божественного происхождения, конституция или право наследования. Однако в условиях глобальной взаимозависимости установление абсолютного суверенитета затруднительно, и власть суверена может быть ограничена международными или региональными соглашениями, деятельностью транснациональных корпораций или вызовами планетарного масштаба.

Стоит отметить, что по отношению к понятию «суверенитет» применяется также лингвистический подход. Исследователь В. Вернер и Дж. де Вильде [17] считают, что суверенитет следует рассматривать в качестве речевого акта, согласно концепции речевых актов Дж. Серля [13]. Таким образом, суверенитет представляет собой «речевой акт, призванный установить или подтвердить позицию заявителя как обладателя абсолютной власти, и придать легитимность фактам ее применения. По мнению указанных авторов, в данном случае можно рассмотреть определенную закономерность, так как дискурс о суверенитете не возникает в случаях, когда его никто не оспаривает. В то же время, проблема суверенитета становится актуальной в тот момент, когда ослабевает авторитет и власть. Эта закономерность особенно интересна в контексте цифрового суверенитета США, так как достаточно ограниченное количество публикаций по схожим темам в данном случае можно объяснить лидерством Соединенных Штатов в сфере цифровых технологий, сервисов и услуг.

Важно сказать, что концепции, в которых отмечались вопросы суверенитета и технологического развития существовали задолго до появления цифровых технологий. В 1967 году Научный совет Канады представил стратегию «технологического суверенитета», в которой технологический суверенитет определялся как «инструмент развития и контроля над технологиями для поддержания национального суверенитета»

Непосредственно само понятие цифрового суверенитета стало активно использоваться в американском научном дискурсе, начиная с 1990-х годов. При этом нельзя не отметить, что в отличие от достаточно единообразных

подходов к технологическому и цифровому суверенитету, например, в Российской Федерации и Китае, в Соединенных Штатах Америки изучение данного явления привело к появлению сразу нескольких тенденций.

В 1990-е годы начался дискурс о суверенитете киберпространства, который до сих пор является актуальной темой. Концепция утверждает, что государственный суверенитет не может регулировать Интернет. В 1996 году Дж. Барлоу [3] написал Декларацию независимости киберпространства, в которой заявил о свободе Интернета от контроля государств. Этот документ следует рассматривать как ответ на попытки правительства США регулировать порнографию в Интернете. Суверенитет киберпространства при подобном подходе противопоставляется государственному суверенитету, в отличие от Китая и России, которые настаивают на государственном контроле Интернета. В 1990-е годы возможность установления суверенитета в киберпространстве была раскритикована, в связи с тем, что государственные структуры не имели возможности осуществлять полный контроль физических компонентов Интернета. Однако впоследствии стал рассматриваться сценарий, при котором был возможен минимальный государственный суверенитет в Интернет-пространстве при достижении согласия всех сторон, участвующих в данном взаимодействии.

Американский ученый М. Мюллер [11] в своей работе развивает основную мысль манифеста Барлоу и вводит понятие «народного суверенитета» и утверждая, что в цифровом пространстве именно простые пользователи являются обладателями цифрового суверенитета. Ученый считает, что уже функционирующие системы многостороннего управления должны стать фундаментом для «народного цифрового суверенитета», приводя в пример Форум по управлению Интернетом (IGF) и Корпорацию по присвоению доменных имен (ICANN). Несмотря на то, что данная работа является более сложной по своему теоретическому и методологическому наполнению, чем труд Дж. Барлоу, тем не менее, оба автора являются активными противниками государственного участия и регулирования в цифровом пространстве.

Необходимо отметить, что подобный критический подход к регулированию Интернет-пространства государственными структурами не стал единственно возможным. Ряд ученых предложил рассматривать цифровой и технический суверенитет как взаимодействие государственных органов и рядовых пользователей в равных долях. Так, например, исследователь Дж. Голдсмит [7] в своей монографии «Кто контролирует Интернет?» вводит понятие «сетевой нейтралитет», согласно которому интернет-провайдеры должны относиться ко всем данным в Интернете одинаково, без дискриминации или взимания дифференцированной платы в зависимости от пользователя, контента, сайта, платформы, приложения, типа подключенного оборудования, или способа общения. В своей работе исследователь обращает особое внимание на то место, которое занимают государственные структуры в цифровом пространстве. С одной стороны, как отмечает автор, активное участие государства в Интернет-пространстве может привести к значительным ограничениям свобод общения и взаимодействия всемирного сообщества пользователей. Однако, с другой стороны, именно подобные действия ведут к обеспечению государством своего суверенитета.

Исследование Д. Мура [12] о «цифровой пропасти» раскрывает проблему неравномерного распределения доступа к цифровым технологиям и его влияние на общество, включая неравное распределение экономической и политической власти.

Помимо этого, исследователь выдвигает концепцию «сетевого управления», что особенно важно в контексте обеспечения цифрового суверенитета. В своей работе Мур утверждает, что цифровые технологии трансформируют способ взаимодействия правительств и граждан, при этом правительства все больше полагаются на цифровые сети для предоставления услуг и взаимодействия с гражданами. В связи с этим исследователь также обращает внимание на необходимость государственно-частного партнерства в формировании и развитии цифровых технологий, и выступал за более эффективные и прозрачные партнерские отношения между правительством, бизнесом и гражданским обществом.

К. Кроуфорд в своей работе [4] обращает особое внимание на проблему защиты персональных данных граждан, как одну из основ цифрового суверенитета. При этом автор также отмечает, что несмотря на улучшение алгоритмов безопасности, государство также должно обеспечить большую прозрачность в сборе и использовании этих данных.

В исследовании Кроуфорд [6] также изучались способы, с помощью которых цифровые технологии формируют распределение власти и ресурсов, и способы, с помощью которых эти технологии могут быть использованы для усиления или преодоления существующего социального и экономического неравенства, что также повышает суверенитет государства.

Переходя к вопросу о цифровом суверенитете как факторе обеспечения национального суверенитета, следует отметить, что в американском научном дискурсе подход к данному явлению качественно отличается от концепций, предложенных исследователями других государств. Так, для российских и китайских ученых цифровой суверенитет представляет собой возможность независимо определять свою политику в отношении государственного цифрового развития и использования своей технологической инфраструктуры и цифровых технологий.

В свою очередь, в США научное сообщество напротив чаще негативно описывает понятие государственного цифрового суверенитета. В данном контексте оно рассматривается как политика Китая и Российской Федерации по ограничению доступа к различным видам цифрового взаимодействия на своей территории, что напрямую противоречит интересам и идеалам Соединенных Штатов Америки по продвижению концепции свободного Интернета. Подобная политика, направленная на создание собственного суверенного Интернета, безусловно, была встречена критически, в связи с тем, что с одной стороны, это идет вразрез с политическими и экономическими интересами Запада, и США, в частности, а с другой, укрепляет позиции их идеологических противников.

Также, одним из важнейших направлений американской научной мысли в области цифрового суверенитета США стал вопрос об обеспечении своей цифровой безопасности. В данном случае, мы в большей степени имеем дело

с работами, посвященными проблемам классической кибербезопасности и защищенности собственной информационно-технической инфраструктуры.

Исследователи Б. Шнайер [14], К. Фишер [10], и К. Ашраф [2] в своих работах раскрывают проблемы кибербезопасности, защиты персональных данных и социальной инженерии. Резюмируя их выводы, можно сказать, что цифровой суверенитет США реализуется в том случае, если государство способно отвечать на эти угрозы, действуя при этом в соответствии со своими национальными интересами. Помимо этого, отмечается особая важность создания собственных языков программирования для поддержания безопасности информационных систем.

Важно подчеркнуть, что указанные авторы, как было сказано выше, рассматривают частные аспекты системы кибербезопасности США. Тем не менее, в данных работах четко прослеживается тенденция по концептуальному объединению понятий суверенитета государства и обеспечения его национальной безопасности в цифровом пространстве, что в совокупности и представляет собой цифровой суверенитет государства.

Стоит сказать, что в контексте обеспечения цифрового суверенитета США важную роль играют медиакорпорации, такие как Amazon, Apple, Microsoft и другие. На уровне инструментального подхода медиакорпорации представляют собой по большей части агрегаторы информации, создающие платформы для взаимодействия их пользователей. Однако рост популярности их сервисов и социальных сетей позволил медиакорпорациям стать полноценным субъектом политического процесса, значительно расширив поле их деятельности.

Согласно исследованиям Ш. Зубофф [18], Н. Срничек [15], К. Вольтмеера [16] медиакорпорации на данный момент принимают активное участие в формировании социальной и политической повестки. Данный процесс происходит путем создания цифровых экосистем, в которых деятельность медиаактивистов может контролироваться. Примером подобной деятельности является расследование о деятельности Facebook во время президентских выборов в США 2016 года. В ходе выступления главы компании М. Цукерберга стало известно, что данные 87 млн. профилей попали в руки консалтинговой фирмы Cambridge Analytica, которая на основании психологических характеристик этих пользователей оказывала аналитическую помощь по таргетированной рекламе кандидата команде Дональда Трампа. Это событие стало наиболее ярким подтверждением реальных возможностей медиа платформ по влиянию на политические процессы.

Помимо своего экономического влияния медиаконгломераты используют методы «мягкой силы». К ним можно отнести создание и финансирование исследовательских и аналитических центров, автономных некоммерческих организаций и ассоциаций. Также в американскую практику вошел тренд на обмен высшими управляющими кадрами между государственными структурами и IT-компаниями.

В связи с этим можно с уверенностью сказать, что американская политическая система на данный момент представляет собой симбиоз из государственных институтов, которые являются основными бенефициарами

услуг медиакорпораций (особенно в сфере международных отношений) и собственно IT-компаний, которые значительно влияют на экономическое развитие государства, а также предоставляют властным органам свои платформы или аналитические услуги. Однако надо отметить, что подобное бесконфликтное сотрудничество на данный момент реализуется при решении внешнеполитических задач, в то время как в контексте внутренней политики государство и медиаконгломераты могут значительно расходиться в интересах и целях.

Помимо двух общих подходов, описанных выше, интересными также представляются концепции, которые носят более узкий характер, но при этом также непосредственно связаны с понятием цифрового суверенитета.

Так, исследователи Т. Кукутай и Дж. Тейлор [9] акцентируют внимание на проблеме суверенитета данных для коренных народов США. Данный вопрос стал частью более широкой дискуссии, посвященной проблеме предоставления коренным народам приоритетного права на управление своей территорией проживания, своим телом и культурой. В контексте цифрового суверенитета это право реализуется в возможности самоопределения коренных народов при управлении цифровыми данными, а также создании собственной методики и системы хранения этих данных, «не связанных с колониальным прошлым».

Исследователь М. Дуарте [5] отмечает, что в рамках подобного самоопределения коренные народы встречают ряд препятствий, связанных с доступом к цифровым технологиям, например, ограниченность сотовой связи и Интернет-подключения, а также недостаточность мультимедийного контента, в котором были бы отражены местные культуры.

Помимо этого, некоторые исследователи связывают понятие цифрового суверенитета с феминистическими теориями 1970-х годов, продвигающими теорию «суверенитета тела». Ученый Дж. Гилл-Петерсон [8] в своей работе использует понятие «личного цифрового суверенитета» и пишет о том, что в настоящий момент, безусловно, существует связь между конкретной цифровой технологией и возможностью девушек распоряжаться своим телом. Тем не менее, автор считает, что в некоторых случаях девушки утрачивают свой цифровой суверенитет, участвуя, например, в обмене фотографиями при помощи цифровых технологий. Данная проблема в настоящее время остается крайне актуальной для американского научного дискурса.

Таким образом, рассмотрев несколько подходов к изучению цифрового суверенитета в США, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, понятие цифрового суверенитета появилось сравнительно недавно и в настоящий момент остается крайне дискуссионным и неоднородным. Это связано с тем, что американские исследователи вводят и используют данное понятие в своих работах в зависимости от направления своей научной деятельности, и соответственно единого поля применения у данного термина нет. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в научном дискурсе появляются теории в некотором роде, противоречащие друг другу.

Во-вторых, среди американских исследователей цифрового суверенитета можно выделить две четкие тенденции. В рамках первого течения, авторы рассматривают цифровой суверенитет как процесс расширения прав и свобод обычных пользователей в цифровом пространстве, что в свою очередь должно приводить к уменьшению присутствия государственных структур в сети Интернет. Ко второй группе исследователей относятся авторы, характеризующие цифровой суверенитет США как часть системы национального суверенитета и государственной безопасности, в которую входят вопросы кибербезопасности и киберпреступности, а также проблемы защищенности информационно-технической инфраструктуры.

В-третьих, подход американских исследователей характеризуется негативными оценками самого явления цифрового суверенитета. В большей степени это относится к работам российских и китайских авторов, которые рассматривают цифровой суверенитет, как возможность Российской Федерации и Китая самостоятельно проводить государственную политику в отношении своего цифрового развития и цифровых технологий. Интересным является тот факт, что и в европейском дискурсе в настоящее время ведется активно обсуждение необходимости создания своих собственных, независимых от Соединенных Штатов Америки цифровых систем, что отсылает нас к вопросу о роли американских медиакорпораций как фактора цифрового суверенитета США.

Несмотря на то, что по отношению к цифровому суверенитету в США отсутствует единообразие подходов, и оно остается крайне дискуссионным понятием, есть предпосылки, что в ближайшем будущем цифровой суверенитет будет играть все большую роль при формировании концепций и стратегий государственной политики Соединенных Штатов Америки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бронников И.А., Закальский Г.В.** Цифровой двойник в политическом процессе современной России // PolitBook. 2021. № 3.
2. **Ashraf C.** Defining cyberwar: towards a definitional framework // Defense & Security Analysis. 2021. Т. 37. № 3.
3. **Barlow J.P.** A Declaration of the Independence of Cyberspace // Electronic Frontier Foundation. 8 February 1996 // <https://www.eff.org/fr/cyberspace-independence>.
4. **Crawford K., Schultz J.** Big data and due process: Toward a framework to redress predictive privacy harms // BCL Rev. 2014. Т. 55.
5. **Duarte M.E.** Network sovereignty: Building the internet across Indian country. University of Washington Press, 2017.
6. **Gebru T. et al.** Datasheets for datasets // Communications of the ACM. 2021. Т. 64. № 12.
7. **Goldsmith J.** Who controls the Internet? Illusions of a borderless world // Strategic Direction. 2007. Т. 23. № 11.
8. **Gill-Peterson J.** Sexting girls: technological sovereignty and the digital // Women & Performance: a journal of feminist theory. 2015. Т. 25. № 2.

9. **Kukutai T., Taylor J.** Indigenous data sovereignty: Toward an agenda. ANU press, 2016.
10. **Labell L., Chandler J., Fisher K.** Automatic Discovery and Synthesis of Checksum Algorithms from Binary Data Samples // Proceedings of the 15th Workshop on Programming Languages and Analysis for Security. 2020.
11. **Mueller M.** Will the internet fragment?: Sovereignty, globalization and cyberspace // John Wiley & Sons. 2017.
12. **Moore J.F.** Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. May/June 1993.
13. **Searle J.R.** Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge university press, 1969. T. 626.
14. **Scheier R.L.** Building up database defenses: protecting the corporate database involves targeting at-risk data and implementing four key defenses // Computerworld. 2006. T. 40. № 35.
15. **Srnicsek N.** Platform capitalism // John Wiley & Sons. 2017.
16. **Voltmer K.** Comparing Media Systems in New Democracies: East Meets South Meets West // Central Journal of Communication. 2008. Vol. 1. № 1.
17. **Werner W.G., De Wilde J.H.** The Endurance of sovereignty // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7 (3).
18. **Zuboff S.** Big other: surveillance capitalism and the prospects of an information civilization // Journal of information technology. 2015. T. 30. № 1.

G.V. ZAKALSKIY

Postgraduate student of the Department
of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia

SCIENTIFIC SUPERVISOR: I.A. BRONNIKOV

Candidate of political sciences, associate professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THE AMERICAN APPROACH TO THE STUDY OF DIGITAL SOVEREIGNTY

The article describes the concept of digital sovereignty, the history of the development of this concept, as well as the main trends in the study of this concept in American scientific discourse. According to the author, the concept of digital sovereignty is extremely multifaceted, affecting to one degree or another most of the natural, technical, social and humanitarian sciences.

Key words: digital sovereignty, technological sovereignty, cyber security, state sovereignty.